

УДК 93/94

DOI: 10.18324/2224-1833-2023-1-93-100

Зоны трезвости в малых и средних селах бурят: история и современность

С.Г. Жамбалова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия
zhambalovas@yandex.ru

Статья поступила 10.02.2023, принята 16.03.2023

Статья на обширной источниковой базе и на большом диахроническом срезе рассматривает зоны трезвости в отдельных бурятских малых и средних селах как одно из звеньев системы защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия. 11 средних и малых сел общим решением на сельском сходе создали некое капсульное поселение с особыми правилами проживания. Это одна из форм борьбы с алкоголизмом на местном уровне малонаселенных и удаленных поселений имеет исторические прецеденты в прошлом и направлена на выживание небольшого этноса в глобальном мире.

Ключевые слова: Республика Бурятия; буряты; малые и средние села; зона трезвости; исторический прецедент; борьба с алкоголизмом.

Sobriety zones in small and medium-sized Buryat villages: history and contemporary practice

S.G. Zhambalova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Republic of Buryatia
zhambalovas@yandex.ru

Received 10.02.2023, accepted 16.03.2023

The article, on an extensive source base and on a large diachronic section, considers sobriety zones in Buryat small and medium-sized villages as one of the links in the system of protective mechanisms against intensive acculturation. 11 medium and small villages created a capsule settlement with special rules of residence with a general solution at a rural gathering. This is one form of combating alcoholism at the local level in sparsely populated and remote settlements, with historical precedents and aimed at the survival of a small ethnic group in a global world.

Keywords: Republic of Buryatia; Buryats; small and medium-sized villages; sobriety zone; historical precedent; combatting alcoholism.

Введение. Цель статьи — рассмотреть на большом диахроническом срезе специфику борьбы с алкоголизмом у бурят: зоны трезвости на территориях средних и малых сел как одно из звеньев системы защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия. В бурятском традиционном социуме имеются исторические прецеденты регламентации употребления алкоголя и создания зоны, свободной от продажи алкоголя, которые могут явиться примером одного из методов борьбы с алкоголизмом в современном обществе. Актуализирует тему то, что, несмотря на активизировавшиеся с 2009 г. мероприятия на государственном уровне по борьбе с

алкоголизмом и пьянством, в настоящее время проблема остается нерешенной, в то время как «алкогольная зависимость является одним из самых сложных и опасных для человечества заболеваний в связи с огромными медико-социальными, морально-этическими, экономическими и духовными потерями. <...> Алкоголизм назван президентом РФ одной из угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации» [1, с. 1, 2].

Согласно ст. 5 «Типы поселений Российской Федерации» Градостроительного кодекса от 07.05.1998 г. № 73-ФЗ, городские и сельские поселения подразделяются в зависимости от численности населения. К средним относят села с

населением от 200 до 1 тыс. чел, малыми считаются села с численностью менее 200 чел. [2]. В Бурятии малое село — это «сельский населенный пункт с численностью жителей не более 350 чел., постоянно проживающих и ведущих хозяйство, с частичным наличием социальной инфраструктуры, образованный для эффективного использования удаленных от основных населенных пунктов земель сельскохозяйственного назначения» [3]. Это определение легло в основу данной статьи. К малым здесь отнесены села с населением до 350 чел., а от 350 до 1 тыс. чел. — к средним. В Хакасии к малым селам относят поселения с численностью жителей до 200 чел. [4, с. 232]. Заметно, что отнесение сел к той или иной категории в зависимости от численности населения решается в регионах по-разному, вероятно, в соответствии с местной спецификой.

В.Г. Жалсанова, рассматривая структурное расселение сельских поселений Бурятии, к малым относит села с численностью до 100 чел., к средним — от 100 до 1 тыс. чел. По ее данным, базирующимся на Всероссийской переписи населения 2010 г., в Бурятии 255 муниципальных объединений «сельское поселение» (МО СП) и 613 сел. Из 370 средних поселений 92 имеют население от 101 до 200 чел.; 155 сел насчитывают от 201 до 500 жителей; 123 — от 501 до 1 000. В малых селах проживают 6 237 чел. (1,5 % численности всех сельских жителей), в средних — 151 117 чел. (37,4 %), в крупных — 61,1 % сельского населения [5, с. 61].

Обзор литературы. Выявлено несколько работ, близких по теме. В первую очередь, это статья Б.Ц. Жалсановой об опыте борьбы с пьянством в бурятских ведомствах в XIX — начале XX в. [6]. Достоверной, содержащей массу важных и ранее малоизвестных в исторической науке материалов и заключений, является диссертация Г.М. Баранчика об эпидемиологических, этнонаркологических и организационных аспектах алкоголизма в Бурятии, выполненная в основном на материалах советского времени (1975–1992). Эта медицинская работа затрагивает многие этнические аспекты проблемы. В ней даны описания ритуалов и обрядов, связанных с потреблением алкоголя у бурят, рассмотрена специфика алкогольного опьянения у бурят и русских Забайкалья, изучены и сопоставлены показатели в бурятских, русских и смешанных районах [7]. Довольно близкой теме является диссертация И.В. Содномовой, в которой на материалах Республики Бурятия рассматриваются проявления алкоголизма и наркомании у женщин [8].

Методология и методы исследования. Статья, написанная на источниковой базе, включающей

опубликованные и неопубликованные полевые материалы автора, архивные, литературные, электронные данные, опирается на классические и современные методы исторических исследований. Сбор полевых материалов проведен методами полевой этнографии.

Результаты исследования. Буряты, с конца XVII в. проживающие в составе России, довольно долго сохраняли традиционный уклад. Общественная жизнь на протяжении XVIII–XIX вв. регулировалась законодательными актами норм обычного права. Первым опубликованным и введенным в научный оборот является Указ 1759 г. В указателе «Положение 1808 г.» под номером 3 значится раздел «О правилах употребления вина, о пьяных людях». В Уложении 1763 г. указано: «Человек старше 40 лет может пить вино. Человек младше 40 лет и старше 25 лет может пить на свадьбах и обряде *саал*, на пирах, когда приедут в гости родственники <...> Младше 25 лет пусть не пьет вино даже на свадьбах и пирах» [9, с. 3, 9, 15, 16]. Интересно обоснование трезвого образа жизни для людей данной возрастной категории: «чтобы отправиться в войска царя, должен обзавестись снаряжением и вооружением. Если он будет пить вино, то не сможет вполне справиться снаряжение и вооружение. Из-за этого нельзя пить» [9, с. 15, 16].

Позднее правила в соответствии с российскими законами ужесточаются: на праздниках разрешается пить с 30 лет только по разрешению начальников и стариков «соблюдая меру, не теряя сознания и слушая наставлений стариков и чиновников <...> Чрезмерно и часто пить воспрещается. <...> Если будут пить, проучить по закону» [9, с. 19, 20, 40, 41]. В Уложении 1823 г. 11 хоринских родов указывается: «Запрещается должностным лицам решать какие-либо дела в нетрезвом состоянии. Податным нельзя ни по какому поводу обращаться к пьяному должностному лицу» [9, с. 72]. Хоринское положение 1851 г. утверждает: «Категорически запретить пить в возрасте младше 40 лет. <...> Чтобы исправить лиц младше 40 лет, сайты наказывают 15 ударами розог установленного образца. Пусть никто не принуждает выпивать человека, не желающего пить вино» [9, с. 101]. Этот далеко не полный список примеров убедительно доказывает, что бурятский социум имеет исторический опыт борьбы с пьянством и практику предупреждения алкоголизации населения путем создания зоны трезвости возрастной группы до 25, 30 и 40 лет. Поэтому вполне объективно утверждение Б.Ц. Жалсановой: «Пьянство, употребление алкогольных напитков не являлись актуальными для бурятских обществ вплоть до начала XIX в.» [6, с. 168].

Судя по усилению к середине XIX в. правил употребления алкоголя, пьянство имело место в бурятском социуме. Имеются прямые указания на это обстоятельство. В 1855 г. тайша Баргузинской степной думы Сахара Хамнаев составил программу по улучшению нравственности бурят, где имелся пункт о борьбе с пьянством, которое следует запретить законом, а степная дума, родовые управления и родоначальники обязаны надзирать за нарушителями. Он пишет: «Молодые, без изъятия богатых, и бедные занимаются пьянством во время лета, <...> собираются партиями в непраздничные дни, пируют, переезжая из юрты в юрту, задумав себе песни, и перескакивают на лошадях, в этой гулянке часто случаются разные бесчинства, драки, даже неуважение к своим родоначальникам и старикам» [6, с. 170].

Законодательство Российской империи способствовало созданию относительной зоны трезвости в бурятских поселениях за счет официального ограничения продажи крепких спиртных напитков. Устав 1822 г., законодательный акт, регулировавший систему управления коренными народами, запрещал работу питейных заведений и продажу спиртных напитков на территории проживания бурят. Также запрещалось бурятам производить спиртосодержащие продукты [6, с. 169]. Здесь речь идет о запрете производства хлебной водки по заказу русского населения на «куренной посуде». Буряты на традиционном самогонном аппарате производили молочные продукты – повседневную пищу *арсу* и относительно некрепкое после одной перегонки молочное вино (*тарасун, архи*) [10, с. 323, 324].

Несмотря на определенную изолированность, повседневная жизнь бурят проходила в реалиях российского общества, бурятские поселения располагались чересполосно с русскими, поэтому трансформации, происходившие в российском обществе, касались их непосредственно. С середины XIX в. начинают появляться торгово-промышленные заведения в русских деревнях вблизи бурятских кочевий, в том числе питейные заведения и винные склады. Бурятские общества на основании общественного приговора при степной думе просят вышестоящее начальство закрыть их [6, с. 169, 170]. В 1874 г. в селении Тыргинском, где было 9 дворов оседлых инородцев и 15 юрт кочевых «не смежных, а перемешанных между собою и окруженных кочевьями инородцев», по постановлению Верхотурского окружного полицейского управления питейное заведение оседлого инородца М. Рыкова закрыто: «раздробительная продажа питей не разрешается открывать только

на ярмарках и стойбищах кочевых инородцев» [11, л. 47]. С конца XIX в. городах и деревнях Сибири происходит рост потребления алкоголя и самогонарения. Ситуация обостряется с началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. [12, с. 93]. Безусловно, данная ситуация коснулась также традиционного бурятского общества.

В советское время алкоголизм продолжал оставаться медико-социальной проблемой: Советско-Финляндская война и последующая Великая Отечественная война привели к его распространению среди военных и гражданских. Этому способствовали и государственные решения 1939–1940 гг. – ежедневная выдача спиртного на фронте для борьбы с холодом и поднятия духа. В мае 1942 г. ежедневную раздачу водки (200 г) сохранили только для бойцов частей передовой линии, «имеющих успехи в боевых действиях», остальным «наркомовские» сто грамм наливали в праздничные дни. На протяжении советского времени государственная борьба с пьянством и алкоголизмом велась наскоками, от кампании до кампании: первый этап – март 1953 – октябрь 1964 г.; второй – октябрь 1964 – март 1985; третий – март 1985 – 1991 гг. [13, с. 223, 224, 228]. Эти исторические факты имеют непосредственное отношение к бурятам как равноправным гражданам страны, принимавшим активное участие в войнах XX в.

В настоящее время не обнаружено данных об алкоголизации и пьянства у женщин в бурятском традиционном обществе. В обычном праве бурят в статьях о пьянстве эта часть населения не упоминается, вероятно, как априори непьющая. Однако это не свидетельствует о том, что в этой группе вообще не могли быть пьющие. Выгонка молочной водки и дальнейшее приготовление молочного продукта для повседневного питания (*арса*) было их обязанностью. После Октябрьской революции реформирование системы гендерных отношений уравнило женщин в правах с мужчинами, началось массовое включение женщин в производство. Это обязательное условие построения социалистического государства в корне меняло гендерную роль женщин. В Конституции СССР 1977 г. формулировка «женщина в СССР имеет равные права с мужчиной» была заменена на «женщина и мужчина имеют в СССР равные права» [14, с. 132, 133]¹.

В Российской Федерации увеличивается число женщин с алкогольной и наркотической

¹ Максимов А.А. Особенности правового положения женщин в Советской России // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 2 (23). С. 130–139, 132, 133.

зависимостью, что в немалой степени обусловлено социально-экономическими факторами и их многофункциональной, часто противоречивой социальной ролью. В Республике Бурятия доля пьющих женщин увеличивается в процентном соотношении, и растут темпы алкоголизации. При этом хронический алкоголизм присущ женщинам старшего возраста, для молодых типичен пивной алкоголизм, нередко перерастающий в более тяжелые формы [8, с. 3, 12, 13].

Информант Г.Б. Тудинова, родом из Джидинского района, в 2010 г. отмечала, что в 1960–70-е гг. по сравнению с современным состоянием буряты пили редко: в селе была одна пьющая семья. Она уверенно утверждала, что до 1960-х гг. женщины-буддистки не пили водку, а потом стали выпивать: «Потихоньку, потихоньку – то дни рождения, то юбилеи, то советские праздники» [15, с. 98]. Эти дни нередко отмечали с сослуживцами на работе или после работы, нередко «обмывали» отпускные, практиковались домашние застолья в дни рождения членов семьи, юбилейные торжества в учреждениях общепита, столовых, кафе, ресторанах. Бабушка информанта Б.Ц. Дугарова (1913–1999), заметив, что женщины в селе стали употреблять алкоголь, сетовала: «перестанут хорошо смотреть за детьми, дети осиротеют (*үнэиэн болохо*) при живых родителях, деды, бабушки, старики все будут делать за них, молодых. <...> перестанут выделывать шкуры, кожи, белую пищу перестанут заготавливать впрок, шерсть прясть, одежду шить, женщины станут как мужчины, хозяйками домов станут» [15, с. 22, 98, 99].

В 2004 г. были проведены полевые работы в улусе Кусоты Мухоршибирского района Республики Бурятия. Это центр МО СП «Кусотинское», куда входит также улус Шинестуй (130 чел.). Постоянная численность поселения на 01.01.2004 г. составляла 1 112 чел., за год родилось 21 чел., умерло 19. Всего людей трудоспособного возраста – 685 чел., из них имели работу 251 чел., 244 чел. были безработные, некоторые находились на инвалидности. В улусе проживала одна русская семья [16, с. 149, 150]. Глава сомонной администрации Б.Б. Бадмаев считал: «Острой проблемы алкоголизма нет. Мы боремся. Конечно, выпивают, но острой социальной проблемы нет. <...> Если у магазина сейчас постоите, то увидите, что за день два-три человека за водкой могут прийти, тем более, сейчас праздник Белый месяц» [16, с. 151]. В 2008 г. во время полевых работ в пригородном успешно развивающемся улусе Ацагат Заиграевского района (175 дворов, 711 чел.) у главы администрации было записано: «Поселение богатое, люди вовремя перестроились, но пьющие пьют, алкоголь нас убивает!».

В постсоветское время в некоторых администрациях сельских поселений, задачей которых является решение вопросов местного значения также «через соответствующие органы деятельности населения» [17, с. 128], работают комиссии и общественные объединения, в том числе женсоветы. Сельскими женсоветами, создаваемыми не в каждом поселении, реализуется широкий спектр новых общественных практик. А.М. Сергиенко выявила, что «женсоветы занимаются всем – это очень обширная деятельность: вопросы семьи, детства, благополучие района в целом» [18, с. 179]. В МО СП «Кусотинский», где, как отмечалось выше, нет больших проблем с алкоголизмом, работают общественные организации. Глава поселения рассказал: «Если есть семьи, склонные к алкоголизму, мы посещаем их с медиками, учителями, проводим рейды. Работают административные комиссии <...>. В месяц один раз или по мере необходимости собираем и приглашаем. И люди приходят на эту комиссию. Женсовет работает. Все заявления рассматриваем. Можно сказать, проблемные вопросы опережаем, профилактику делаем» [16, с. 151].

Полевые материалы свидетельствуют о том, что среди забайкальских бурят-буддистов определенная борьба с алкоголизмом проводится под эгидой Буддийской традиционной сангхи России (БТСР). Д.Д. Амоголонова объективно отмечает, что БТСР, успешно возглавляемая Хамбо ламой Дамбой Аюшеевым, «в настоящее время сохраняет культурно-исторические традиции и участвует в политических и социокультурных процессах и практиках современности» [19, с. 394]. Благодаря деятельности БТСР во многих селах возрождена традиция проведения обрядов цикла жизни человека, включая детские праздники, свадебные и погребальные обряды, без употребления спиртных напитков, которые практиковались в советское время. Буряты-буддисты отказались от советской погребальной обрядности и вернулись к традиционной буддийской, когда похороны проводятся под руководством ламы с соблюдением всех правил проводов души в загробный мир и соблюдается запрет на выезд на кладбище женщин и употребление алкоголя на поминках. В бурятских селах, особенно в моноэтнических, практикуются безалкогольные свадьбы, где переплетаются буддийские традиции и современные обычаи.

Г.Б. Тудинова в 2009 г. отмечала, что в улусах лет пять уже на поминках водку не подают. Ламы настояли на безалкогольных проводах в последний путь, на летних общинных обрядах и свадьбах не будут употреблять спиртное. Она добавляет: «Я согласна со всеми этими правилами. Хамбо лама

Аюшеев в 2009 году в Тапхаре проводил поклонение обо Дармаева, там не было водки. Так было хорошо! После был праздник, соревнования, борьба, конные скачки, ехор, песни (*барилдаан, мори унаа, ёхор*). Есть Олоной обо, у села Ключи, там на поклонении хозяевам гор в 2008 году тоже не было водки» [15, с. 99]. В улусе Кусоты с 1995 г. «на похоронах водку не дают. А свадьбы очень организованно проходят — с конкурсами, песнями, танцами, как действительно народное гулянье, а не так: посидели, напились, ушли. А как праздник» [16, с. 151].

Выявленные мероприятия по борьбе с алкоголизмом в бурятских улусах носят профилактический характер и направлены на ограничение потребления алкоголя. Опыта полного запрета на торговлю спиртным в поселениях в начале XXI в. еще не было. Приведенные материалы позволяют считать, что такое новаторское общественное движение стало возможно после принятия Концепции по профилактике и снижению уровня алкоголизма РФ 2009 г., которая значительно усилила правила борьбы с пьянством. Законы, изданные для реализации задач Концепции, ввели запрет/ограничение на торговлю алкоголем в нестационарных торговых точках, на употребление алкоголя за рулем, на рекламу спиртных напитков в сми и в интернете и т. д. Регионы, где реализуются собственные программы по профилактике и борьбе с алкоголизмом, могли рассчитывать на специальные субсидии. Концепция планировала снижение к 2013 г. потребление алкоголя на душу населения до 15 л в год, а к 2020 г. — до 8 л. [20, с. 111, 112]. Действительно, в результате введенных ограничений произошло значительное снижение потребления алкоголя с 15,7 л на душу населения в год в 2008 г. до 9 л в 2021 г. Соответственно снизились заболеваемость и смертность, ассоциированные с потреблением алкоголя, хотя алкоголь по-прежнему вносит наибольший вклад в смертность людей трудоспособного возраста [21].

Помимо федеральных методов и форм, наряду с некоторыми дополнительными видами региональной борьбы с алкоголизмом в Республике Бурятия в ходе полевых работ выявлены местные, предпринимаемые общим решением жителей отдельных поселений. Это обусловлено удаленностью сел, до которых не всегда доходят пропагандистско-профилактические и лечебно-профилактические методы борьбы с алкоголизмом из-за отсутствия инфраструктуры. Жители малых, да и средних сел не имеют возможности получить в полном объеме медицинские, образовательные, культурные, транспортные, государственные, торговые услуги, отсюда низкое качество жизни по

сравнению с городом, «а как следствие — наличие у части населения вредных привычек и пристрастий» [4, с. 232, 233]. Это побуждает население принимать посильные меры, исходя из имеющихся ресурсов, а именно благодаря сельским сходам, одной из форм местного самоуправления муниципальных образований. Они позволяют путем публичного обсуждения насущного вопроса и последующего голосования принять решение, отвечающее интересам населения [22, с. 106].

К 2022 г. на территории Республики Бурятия было 8 улусов и сел, жители которых на сельских сходах приняли решение создать в поселениях зоны, свободные от продажи алкоголя. Это улусы Алаг-Шулун Окинского района (168 чел.), Бом Мухоршибирского района (344 чел.), Тагархай Тункинского района (382 чел.), Тохорюкта Хоринского района (223 чел.), Улюнхан Курумканского района (678 чел.) и села Барыкино-Ключи Тарбагатайского района (162 чел.), Каргино Кабанского района (89 чел.), Амалатское Баунтовского района (183 чел.). В 2022 г. улусы Далахай (338 чел.) и Утата (435 чел.) Закаменского района и Ехэ-Цаган Селенгинского района (363 чел.) примкнули к этому движению [23]. Следует оговориться, что в 2023 г. численность населения может не соответствовать указанной здесь, но в целом приведенная статистика — в одних случаях 2010 г., в других 2020, 2021, 2022 гг. — отражает тенденцию.

Б.О. Болотов, глава сельского поселения «Улюнхан эвенкийское» Курумканского района Республики Бурятия, в 2021 г. в интервью журналисту А. Шевченко говорит, что, приступая к работе в этой должности в 2015 г., переживал, сможет ли удержать принятое ранее решение о запрете на продажу алкоголя в поселении. Некоторые жители стали требовать продажу алкоголя, но актив поселения отстоял принятое раньше решение о зоне трезвости. По его мнению, относительная изолированность и удаленность поселения также была одним из факторов сохранения зоны трезвости: «К тому же нам повезло, что до ближайшего населенного пункта 30 километров. Благодаря этим факторам мы уже почти шесть лет живем в трезвой памяти и ясном уме» [24].

Особняком стоит история улусов Далахай и Утата Закаменского района, где запрет на реализацию алкоголя принят в 2022 г. законодательно Народным Хуралом Республики Бурятия на основании инициативы жителей. Население вынужденно обратилось к органам власти: им не удалось на сходе договориться с индивидуальным предпринимателем, осуществляющим в улусах розничную продажу

алкоголя. Обращение было взвешенным, были оценены все риски и последствия принимаемого решения на основании опыта, когда в 2021 г. торговля спиртным в торговых точках здесь не велась, что заметно снизило употребление алкоголя [25].

Обсуждение результатов исследования.

Прежде всего возникает вопрос о том, насколько актуальна для бурят проблема алкоголизации, обусловлена ли она физиологическими, психическими и другими особенностями этноса. Г.М. Баранчик на основании сравнительного анализ алкоголизма и алкогольного психоза у бурят в сравнении с русскими Забайкалья считает, что потребление алкоголя, болезненность алкоголизмом у бурят и русских Забайкалья по материалам 1975–1992 гг. находятся на одинаковом уровне; имеются аймаки, где данные показатели у бурят ниже; распространение алкоголизма у бурят ниже, чем у русских женщин; у бурят нет молниеносного опьянения и разнообразных атипических реакций на этанол; частота алкогольного психоза у бурят ниже, чем у русских, относительно редки тяжелые алкогольные деградации; высокий процент заболевания алкоголизмом приходится на Улан-Удэ [7, с. 4, 9, 10, 19]. Исследователь объективно выявил, что в советское время произошло заметное распространение алкоголизма у бурятской молодежи, особенно городской – в традиционном обществе пьянство у молодежи было под запретом. Также он затронул городских женщин, в то время как в бурятских аймаках отмечается низкий показатель: 6–9 на 10 тыс. чел., а у русских – 20–70. Абстинентный синдром у бурят формируется за 2–3 года, у русских за 5–8 лет, у палеоазиатов Сибири за несколько месяцев [7, с. 14, 19].

Эти достоверные данные нарколога объясняют обоснованность обеспокоенности бурятской сельской общественности алкоголизацией населения и ее борьбу с пьянством. Понятно, что в постсоветское время, особенно в 1990-е – начале 2000-х гг. активизируется алкоголизация всего российского населения, в том числе бурят. На этом фоне создание зон, свободных от алкоголя, принятых в 11 населенных пунктах Республики Бурятия, за редким исключением в моноэтнических и малочисленных, представляется оправданным. В средних и малых селах в наибольшей степени сохраняются этнокультурная идентичность, национальные традиции и обычаи, традиционные навыки, межпоколенная преемственность, историческая память [4, с. 231]. Благодаря этому обстоятельству средние и малые села обладают определенным потенциалом для создания системы защитных механизмов от интенсивного инокультурного воздействия. Как было показано,

исторически в традиционном обществе спиртное было под запретом для женщин, молодежи и людей до 40 лет. Активное распространение пьянства, нередко как элемента массовой культуры и развлечений, в данных поселениях становится особенно опасным по ряду объективных причин и противоречит традиционным устоям. Налицо признаки алкоголизма и пьянства как инокультурного явления.

В России немало регионов с зонами, свободными от продажи алкоголя. В 2013 г. в Якутии был принят местный закон об ограничениях при реализации спиртного, регионам разрешали вводить полный запрет на продажу этой продукции. В поддержку инициативы Государственное собрание Республики Саха (Якутия) Ил Гумэн издало закон, запрещающий в этих зонах продажу спиртного где бы то ни было, включая магазины и кафе. На его основании 188 сел объявили свои поселения зонами трезвости. Однако в 2017 г. Госдума РФ ограничила право региональных властей на вмешательство в данную сферу бизнеса: разрешены ограничение и запрет торговли спиртным, за исключением предприятий общепита [26]. В Бурятии в малых селах, как показывают многолетние наблюдения, нет учреждений общепита, поэтому нет такой проблемы.

Безусловно, обоснованы высказываемые в сми сомнения в том, поможет ли создание зоны, свободной от продажи алкоголя, в отдельном поселении в борьбе с алкоголизмом. В 2020 г. на эту тему размышляет журналист С. Гурьянов и приводит мнения ответственных лиц. Село Ульяновка Шилкинского района Забайкальского края, где живут 180 чел., официально на торжественном мероприятии по инициативе ТОС «Надежда» объявлено зоной трезвости: на въезде установлена соответствующая вывеска. На сходе жители села, где нет ни одного магазина, проголосовали за трезвость, а депутаты сельского поселения обратились в Законодательное собрание края, чтобы был принят закон о запрете продажи алкогольных напитков на территории села. Руководитель Центра разработки национальной алкогольной политики страны П.С. Шапкин считает: «“трезвые села” – это скорее кампанейщина, громкое заявление, про которое через полгода все забудут. <...> Начинать нужно не с запрета на продажу алкоголя. Продажа – это следствие» [27]. Член правления общественной организации «Союз борьбы за народную трезвость» Г. Климентенок утверждает, что «“трезвое село” – очень хорошая идея, но требующая научного базиса и внимания

специалистов <...>, речь идет о формировании трезвости на подсознательном уровне». Директор Института наркологического здоровья нации Олег Зыков считает, что «“трезвое село” мало что может изменить» [27].

Тем не менее, жители средних и малых сел Бурятии, как и многих других поселений России, решают проблемы борьбы с алкоголизмом на местном уровне нередко с помощью государственных структур методами, которые они могут реально осуществить — создают зоны, свободные от продажи алкоголя. Положительный результат практики обусловлен спецификой сел — моноэтничность, малонаселенность, удаленность. Эти особенности позволяют создать некое капсульное поселение с особыми правилами проживания, направленными на его благополучие. Очевидно, создание зоны трезвости в больших полиэтничных поселениях нереально. Как было показано выше, в республике 613 сел, половина которых средние и малые, но лишь в 11 созданы зоны трезвости за счет запрета продажи алкоголя. В малых и средних поселениях проживает мизерный процент населения республики: в зонах трезвости проживает мало людей. Однако их опыт формирует у жителей многих других поселений страны уверенность в правильности и возможности трезвого образа жизни целого социума.

Наличие в Российской Федерации, в том числе Республике Бурятия, зон трезвости свидетельствует о найденной надежной форме защитной системы, которая носит отчасти авторитарный характер. Коллективная ценностная ориентация на трезвый образ жизни в отдельно взятом социуме — одна из мер внутригрупповой защиты населения от инокультурного влияния, необходимого для выживания малого этноса в полиэтничном государстве в условиях всеобщей глобализации.

Литература

1. Кошкина Е.А., Павловская Н.И., Ягудина Р.И., Куликов А.Ю., Усенко К.Ю. Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в Российской Федерации // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 2 (14). С. 1-12.
2. Кодекс Российской Федерации от 07.05.1998 г. № 73-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12340> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Сохранение и развитие малых сел в Республике Бурятия на 2012 - 2015 годы. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.egov-buryatia.ru/index.php?id=584> (дата обращения: 12.01.2023).
4. Кузнецова Н.Ф. Малые села России: сущность, особенности, проблемы и пути их решения

Заключение. Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в Российской империи бурятский социум продолжал сохранять в соответствии с нормами обычного права строгую регламентацию потребления алкоголя по времени, месту и возрасту. Правительство Российской империи на государственном уровне удерживало алкоголизацию коренных народов Сибири, в том числе бурят, принимая различные меры, в том числе запрет на продажу алкоголя в улусах. Этот важный исторический прецедент стал востребован в XXI в. На основании общего решения на сельских сходах в Республике Бурятия создано 11 зон трезвости в малых и средних моноэтнических селах, свободных от продажи алкоголя. Это решение обусловлено постепенно увеличивающимся ростом, начиная с XX в., алкоголизма и пьянства у бурят, как и у других народов страны. Советская модернизация, постсоветские социально-экономические трансформации, активизация проникновения инокультурных ценностей на фоне глобализации, в том числе алкоголя как элемента массовой культуры и развлечений, привели к созданию в отдельных поселениях зон трезвости как вынужденной меры защиты. Общественность 11 малых и средних сел Бурятии увидела в алкоголизме и пьянстве реальную угрозу распада социума и нашла внутригрупповые защитные механизмы для сохранения его целостности. Борьба с алкоголизмом в бурятском среднем и малом селе, стремление к трезвому образу жизни, создание защитных барьеров являются основой выживания небольшого этноса в глобальном мире.

Статья подготовлена в рамках государственного задания — проекта «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.).

- //Азимут науч. исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 231-234.
5. Жалсанова В.Г. Структурное расселение сельских поселений Бурятии // Власть. 2014. № 6. С. 59-62.
 6. Жалсанова Б.Ц. Опыт борьбы с пьянством в бурятских ведомствах в XIX - начале XX в. // Власть. 2013. № 10. С. 168-171.
 7. Баранчик Г.М. Эпидемиологические, этнонаркологические и организационные аспекты алкоголизма в Бурятии: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Томск, 1992. 20 с.
 8. Содномова И.В. Женская девиация в современном обществе: проявления алкоголизма и наркомании (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2007. 19 с.
 9. Цибикив Б.Д. Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: Наука, 1992. 312 с.

10. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX - XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
11. Сведения о взыскании калыма, долгов и жалобы о нанесении побоев и оскорблений за 1873 г. // Гос. архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 12. Оп. 1. Дело № 1139. 51 л.
12. Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Алкогольный вопрос в Сибири накануне и во время первой мировой войны 1914-1918 гг. и отношение к нему местных чиновников // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2022. № 75. С. 89-95.
13. Гончарова С.Г. Борьба с распространением пьянства и алкоголизма в годы Великой отечественной войны и в послевоенный период (1941-1964 гг.) // Бюллетень нац. науч.-исследовательского ин-та общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2015. № 4-5. С. 222-234.
14. Максимов А.А. Особенности правового положения женщин в Советской России // Вестн. Междунар. ин-та экономики и права. 2016. № 2 (23). С. 130-139.
15. Жамбалова С.Г. Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени. Улан-Удэ: Изд-во-БНЦ СО РАН, 2013. 148 с.
16. Жамбалова С.Г., Игауэ Н. Калейдоскоп: этнографические картинки XX - начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.
17. Уланова А.А. Проблемы местного самоуправления сельских поселений // Таврический науч. обозреватель. 2015. № 4 (дек.). С. 127-129.
18. Сергиенко А.М. Общественные объединения сельской России: процессы формирования и институционализации // Вестн. Пермского гос. гуманитарно-пед. ун-та. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 1. С. 165-185.
19. Амоголонова Д.Д. Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии // Науч. диалог. 2021. № 7. С. 381-399.
20. Борисова Н.В. Политика по борьбе с алкоголизмом в современной России: определение повестки дня // Вестн. Пермского ун-та. Сер. Политология. 2012. Вып. 4. С. 107-114.
21. Карабут Т. Потребление алкоголя в России снизилось на 43 процента за 13 лет. Почему россияне стали меньше пить и как изменилась структура потребления [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/nachali-za-zdravie.html> (дата обращения: 26.01.2023).
22. Старосек А.К. Роль сельских сходов в обеспечении участия местных сообществ в управлении на местах // Вестн. Забайкальского гос. ун-та. 2019. Т. 25. № 2. С. 105-113.
23. В Бурятии подвели очередные итоги развития «территорий трезвости» [Электронный ресурс]. URL: <https://burunen.ru/news/society/92705-v-buryatii-podveli-ocherednye-itogi-razvitiya-territoriy-trezvosti/> (дата обращения: 28.01.2023).
24. Шевченко А. Алкогольная Бурятия: почему республика продолжает спиваться. [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/95959/> 28.02.2021 (дата обращения: 01.02. 2023).
25. Народный Хурал Бурятии законодательно запретил торговлю спиртным в двух селах [Электронный ресурс]. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2022/04/26/narodnyy-khural-buryatii-zakonodatelno-zapretit-torgovlyu-spirtnym-v-dvukh-selakh.html> (дата обращения: 31.01.2023).
26. Таюрский В. Почему возвращают алкоголь в якутские зоны трезвости [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/01/01/reg-dfo/pochemu-vozvrashchaiut-alkogol-v-iakutskie-zony-trezvosti.html> (дата обращения: 28.01.2023).
27. Гурьянов С. Сухая зона: как в Забайкалье пытаются победить пьянство [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1061858/sergei-gurianov/sukhaia-zona-kak-v-zabaikale-pytaiutsia-pobedit-pianstvo> (дата обращения: 29.01.2023).